

РАЗДЕЛ I. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI–XVIII ВЕКОВ

Г. Ю. Филипповский
*Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского*

АВТОР «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» КАК ПИСАТЕЛЬ-ХРИСТИАНИН

В одной из своих итоговых статей 1993 года академик Д. С. Лихачёв, отвечая на один из вопросов всей своей жизни «Каким был автор «Слова о полку Игореве»?», даёт чёткий и однозначный ответ: «...автор «Слова» – профессиональный литератор» (10 : 27). Версии XX и начала XXI вв. о том, что автором «Слова» мог быть филолог или литератор-профессионал конца XVIII – начала XIX вв., эпохи «оссианизма», уже убедительно опровергнуты трудами выдающихся учёных – Ю. М. Лотмана (12 : 330–405) и А. А. Зализняка (6). Первый пришёл к выводу: «...сами факты беспристрастно свидетельствуют, что в конце XVIII века... нет места для подобного памятника. Поставленное на рубеже двух столетий – XVIII и XIX вв. – «Слово о полку Игореве» выглядело бы как уникальное, ни с чем не сопоставимое явление, не имеющее ни одного предшественника и даже – ни одного последователя» (12 : 404). Второй, рассматривая в роли учёного-стилизатора версию авторства «Слова» Э. Кинана (19), однозначно заключает: «Добровский не был автором «Слова о полку Игореве» (6 : 321). Тем самым итоговое заключение Д. С. Лихачёва об авторе «Слова» как профессиональном литераторе единственно соотносено с эпохой русского средневековья конца XII – начала XIII вв. (10 : 26–30). В контексте именно этой эпохи выстроены разыскания об авторстве «Слова» в итоговых работах на эту тему конца 1980-х – начала 1990-х гг. Д. С. Лихачёва (10), Л. А. Дмитриева (3; 4), Б. И. Яценко (18), М. А. Абрамова (11).

Статья Б. И. Яценко «Об авторе «Слова о полку Игореве» (проблемы поиска)» (12) подводит итоги исследований XX в. о времени создания «Слова» и приводит к выводу, по следам принятой научным сообществом версии Н. С. Демковой (2) (1197 г.) и с опорой на данные работы М. Ф. Котляра (7), что «Слово» «могло возникнуть после 1198 г.» (18 : 36). Итоговая работа Д. С. Лихачёва «Каким был автор «Слова о полку Игореве»?» (10 : 26–30), хотя и присоединяется к «осторожным выводам» Л. А. Дмитриева (4 : 3–24), всё же по сути не разделяет пессимизма последнего в проблеме авторства «Слова». Скорее рассуждения Д. С. Лихачёва в названной статье идут в русле компонентной модели «реконструкции» автора «Слова» (10 : 26), вариант которой разрабатывал в своей статье 1990 года киевский исследователь М. А. Абрамов (1 : 154–168). В частности, Д. С. Лихачёв

заявляет: «Именно такого «реконструируемого» автора «Слова» на основании его же произведения мы и попытаемся представить в предлагаемой вниманию читателей статье» (10 : 26). М. А. Абрамов в работе «К проблеме авторства «Слова о полку Игореве»» создаёт 6-компонентную систему тестов модели автора «Слова», сквозь которую проводит 8 избранных кандидатур претендентов на авторство «Слова», предложенных в разное время разными исследователями (1 : 154–168). Разумеется, все варианты тестов – не более чем гипотезы, как гипотезами и останутся все без исключения предложенные кандидаты на роль автора «Слова», даже если этот список умножится до бесконечности. Тем не менее говорить о бессмысленности использования подобной «компонентной» методики выявления возможного автора «Слова», методики, как уже говорилось, использованной М. А. Абрамовым (1) и Д. С. Лихачёвым (10), вряд ли разумно: подобная методика опирается не только на логически внятные, но и выверенные всем предшествующим научным исследованием критерии, позиции, аргументы.

Попробуем и мы пройти этим путём. Первое, о чём должна идти речь, – существование конкретного, индивидуального автора «Слова», а не «коллективного», фольклорного авторства текста, явленного нам публикацией 1800 года гр. А. И. Мусина-Пушкина. Подтвердить первую из двух возможных позиций можно, если учесть рассуждения о выборе жанра во вступлении «Слова» – однозначно авторские, даже писательские, литературные по природе, совершенно не характерные для фольклорных по природе текстов, никогда не присутствующие в них. Итак, был автор «Слова», т. е. писатель, о чём справедливо писал и Д. С. Лихачёв (10).

Традиционно в эпоху средневековья писателем мог быть монах, книжник. Но автор «Слова» не был монахом, если учесть многообразные языческо-мифологические образы и реминисценции в тексте «Слова», пусть даже и поэтические по своей текстовой функции. Вряд ли учёный монах-книжник XII–XIII вв. стал бы соотносить свой текст и сознание с «вещим» певцом старых, чуть ли не Велесовых дней и явлений. Притом автор «Слова» не просто «вспоминает» события и времена Бояна, но и соотносит с ними свой текст, «отталкивается» от них, считает их своим отправным материалом.

Профессиональный литератор средневековой Руси мог быть летописцем. Как правило, это были монастырские книжники или игумены. Но, допустим, это было лицо из княжеского окружения, княжеский летописец-мирянин. В этом варианте следует особо подчеркнуть, что «Слово» не летописный, хроникально-документальный текст. «Слово» по масштабу поэтического обобщения не может быть не чем иным, как памятником средневекового книжного эпоса. Отсюда и научные работы, сопоставляющие «Слово», например, со знаменитой западноевропейской «Песнью о Роланде». В ряду такого типа работ следует назвать и статью И. В. Пистрого и М. А. Собуцкого ««Слово о полку Игореве» и повествовательные жанры западноевропейского средневековья (социум и личность в структуре эпоса и структуре романа)» (13) в том же интересном сборнике, что и статья М. А. Абрамова(1), – ««Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи».

Итак, автор «Слова» – средневековый русский книжник-мирянин, но не летописец, хотя и хорошо начитанный в древнерусском летописании. Д. С. Лихачёв

давно уже подметил: Автор «Слова» – внимательный читатель «Повести временных лет» (17 : 50). Не исключено, что автор «Слова» так или иначе причастен к летописной работе, сам не будучи монахом-летописцем. Он – мирянин-книжник, но текст его изобилует фольклорными реминисценциями, образами, а то и приёмами. Он – литератор-книжник, но и поэт, – достаточно вспомнить хотя бы знаменитый его «Плач» Ярославны, сюжетно-мотивированный литературный приём гениальной текстовой структуры «Слова». Как и в «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» (ПВЛ под 1097 год) введение женского спасительного по своей текстовой функции образа предопределяет возвращение героя в апофеозе христианской победы. Структурные параллели «Слова» и «Повести о князе Васильке» из ПВЛ (14 : 162–168) ясно говорят о высокой образованности и начитанности автора «Слова», о его явной принадлежности к интеллектуальной элите Руси XII – начала XIII вв.

В. Ф. Ржига считал, что автор «Слова» был князем (14). Д. С. Лихачёв, – что он принадлежал к княжеской среде или княжескому окружению (11). Ясно одно, что автор «Слова» связан с высшей интеллектуальной высокообразованной, княжеской верхушкой древнерусского общества. И это не только потому, что все герои «Слова» – князья, но и потому, что вслед Владимиру Мономаху в его знаменитом «Поучении» – византийски-первоклассном книжно-литературном тексте, – автор «Слова» создаёт свой Урок и Суд княжеской Руси. Знаменитые «Сон и Золотое слово Святослава Киевского» в «Слове» – не цитата и не документальный текст, а мастерское поэтическое творение автора «Слова», созданное им вслед за эпизодом 3-й кульминации «Повести о князе Васильке» («Плач Мономаха»), написанной игуменом Василем для включения во 2-ю («Сильвестрову», «Мономахову») редакцию «Повести временных лет» 1116–1117 гг. У автора «Слова», давно замечено, особое отношение к великому владимирскому князю Всеволоду Юрьевичу, что следует из текста того же «Золотого слова Святослава», обращённого сначала к «великому Всеволоду». В этом «обращении» Б. И. Яценко (18), а прежде М. Ф. Котляр (7) заметили реминисценции, связанные с походом Всеволода и его сына Константина, князей Мономашичей, в 1198–1199 гг. в половецкую степь. Критика же в адрес Игоря и Всеволода за неудачный поход 1185 г., вложенная автором в уста важного героя его текста – Святослава Киевского, разумеется, соотносится с авторской критикой междукняжеских отношений на Руси в целом. Об этом, по сути, и весь текст «Слова», по мнению В. В. Кускова, созданный в русле литературной поэтики «исторической ретроспективной аналогии» (8 : 62–79).

Историческим аналогом Игоревы несчастливой похода, описанного в «Слове», можно считать также закончившийся пленом поход князя Владимира Всеволодовича в степь в 1215 году. Особенно остро переживал трагедию брата князь Константин Всеволодович, который до того сам с отцом ходил в степь, – высокообразованный князь-интеллектуал, о котором В. Н. Татищев, историк Руси, писал: «Князь великий Константин Всеволодович Мудрый... великий был охотник к чтению книг и научен был многим наукам, того ради имел при себе людей учёных, многие книги греческие ценою высокою купил и велел переводить на русский язык, многие дела древних князей собрал и сам писал, також и другие с ним

трудились, одних греческих книг имел более 1000...» (16 : 206). Можно считать, тем самым, что слово «писатель» или даже «литератор» вполне подходит к созданному историком образу ростовско-ярославского князя Константина Всеволодовича, умершего молодым (в 1219 г. ему было всего 33 года). Причём князь Константин не был любителем, но – профессионалом: он основал переводческие книгописные школы в великокняжеском Владимире, Ярославле и Ростове, где строил христианские храмы и монастыри (9) «Слово» вполне подходит к жанровой формулировке «сам писал... дела древних князей...», сказанной историком про Константина (16 : 206). Сюжет степной трагедии, постигшей брата Владимира Всеволодовича, вполне мог служить личной мотивацией к созданию историко-ретроспективной поэмы о горестных судьбах Руси в контексте распрей, усобиц, военных походов, в т. ч. в половецкую степь. Гипотеза о Константине как авторе «Слова о полку Игореве» – единственная, реально отвечающая взыскательным и логически выверенным критериям Д. С. Лихачёва и Б. И. Яценко – наиболее продвинутых исследователей проблемы авторства «Слова о полку Игореве» (Яценко – в части хронологической гипотезы «Слова» – после 1199 года) (18 : 31–37). К тому же книжно-письменная работа князя Константина в Ярославле как раз в 1215–1216 гг. любопытно соотносится с ярославской легендой находки рукописи «Слова» гр. А. И. Мусиным-Пушкиным в конце XVIII в. и как раз в том Спасо-Ярославском монастыре, где располагалась в начале XIII в. книгописная школа князя Константина, великого Владимирского князя-изгоя.

Библиографический список

1. *Абрамов М. А.* К проблеме авторства «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи : сб. науч. трудов; отв. ред. В. С. Горский. – Киев, 1990. С. 154–168.
2. *Демкова Н. С.* К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. История, язык и литература. Л., 1973. № 14. С. 72–77.
3. *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова о полку Игореве» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. А–В. СПб., 1995.
4. *Дмитриев Л. А.* К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1986. № 4. С. 3–24.
5. *Дынник В.* «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде» // Старинная русская повесть. Статьи и исследования / отв. ред. Н. К. Гудзий. М.; Л., 1941. С. 48–64.
6. *Зализняк А. А.* «Слова о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.
7. *Котляр М. Ф.* Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р. // Український Історичний журнал. 1965. № 1.
8. *Кусков В. В.* Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Комплексные исследования. М., 1988. С. 62–79.
9. Лаврентьевская летопись под 1214–1219; ПСРЛ. Т. 1. М.; Л., 1962.
10. *Лихачёв Д. С.* Каким был автор «Слова о полку Игореве»? // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. СПб., 1993.
11. *Лихачёв Д. С.* Слово о полку Игореве // Лихачёв Д. С. Великое наследие. Классические произведения Древней Руси. М., 1975.
12. *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX вв. // «Слово о полку Игореве» – памятник XII века / отв. ред. Д. С. Лихачёв. М.; Л., 1962. С. 330–405.

13. *Пистрый И. В.*, Собуцкий М. А. «Слово о полку Игореве» и повествовательные жанры западноевропейского средневековья (социум и личность в структуре эпоса и структуре романа) // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи : сб. науч. Трудов / отв. ред. В. С. Горский. Киев, 1990. С. 168–177.

14. *Ржига В. Ф.* «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской Руси XII века // Слово о полку Игореве / под ред. В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго. М.; Л., 1934. С. 157–178.

15. Слово о полку Игореве / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачёва. М.; Л., 1950.

16. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. М.; Л., 1964.

17. *Филипповский Г. Ю.* Движение литературы Руси (от «Повести об ослеплении Василька Ростиславича к «Слову о полку Игореве») // Филипповский Г. Ю. Динамическая поэтика русской литературы. СПб., 2008. С. 162–168.

18. *Яценко Б. И.* Об авторе «Слова о полку Игореве» (проблемы поиска) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. СПб., 1993. С. 31–37.

19. *Keenan E. L.* Jozef Dobrovsky and the Origins of the Igor's Tale. Cambridge, Mass., 2003.

П. М. Тамаев
*Ивановский государственный
университет*

ЖИТИЕ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ КАК ОПЫТ «ДОМАШНЕЙ» СЛОВЕСНОСТИ

Осмысление «домашней» литературы было начато почти сразу же после того, как этот «своеобразный род» предстал в виде «смиренной прозы» Пушкина. Русская эстетика и критика (Киреевский, Григорьев, Страхов) приходят к убеждению, что понять существенные черты истории отечественной литературы – значит постигнуть связь ее (литературы) с народом, которому она принадлежит. Н. В. Гоголь был удивлен и зачарован тем, как Пушкин «упростил прозу» до тех пределов, когда «сама действительность кажется перед нею искусственной и карикатурной». Не в малой степени существо и особенность русской словесности, по Гоголю, должны состоять в «чистоте и безыскусственности» (3 : 237), которые Пушкин задал своей «Капитанской дочкой». Немудреная, на первый взгляд, история русского дворянина возникала прямо из жизни и сохранялась как «семейственное предание», «записки». «Безыскусственная простота» ее заключалась в том, что она была записана самим героем этой истории уже в конце своего жизненного пути, когда вполне отчетливо предстали значимость и ценность совершенных поступков и сказанных слов. Особенность такого типа словесности («центр тяжести произведения всегда в семейных отношениях») и форма его бытования («семейная быль») выделялась критикой и историками литературы как явление необычное во всей нашей литературе, более того, как «своеобразный род, которого нет в других словесностях» (8 : 292). Пушкинский шедевр воспринимается как